

Предуведомление

Бывают книжки, воплощающие собою мечту читателя. Их не так уж мало: “Кентерберийские рассказы”, “Горе от ума”, “Повести Белкина”, “Голубая книга” Зощенко, “Стоунер” Джона Уильямса, “Настольная книга бармена”. Каждый может продолжать этот список по собственному желанию, даже просто его составление — это вполне упоительное занятие.

Гораздо меньше книг, представляющих собой мечту писателя — того, который эту книгу написал. То есть нет, конечно, чувство, описанное восклицанием “ай да Пушкин, ай да сукин сын”, возникает у многих и даже регулярно (журналиста оно практически неизменно накрывает в то самое мгновение, когда курсор наконец-то упирается в прямоугольничек *send* буквально за полминуты до дедлайна). Но потом почти всегда наступает если не разочарование, то охлаждение.

Такое происходит и с так называемыми настоящими писателями, а уж у автора, который пишет тексты часто и по поводу (в “Коммерсанте” когда-то их строго-

настрога запрещали называть “статьями”, это звучало слишком напыщенно, только “заметками”), ощущение неудовлетворенности входит в профессию. Даже если не писать репортажей, даже если не писать о политике, все равно — рассуждая хоть об издании обретенной средневековой рукописи, хоть о ремастеринге альбома *The Beatles*, ты все равно пишешь про здесь и сейчас. Про нас сегодняшних, которые эту рукопись читают, этот альбом слушают. Про людей и страну, в которой эта книжка, этот альбом, этот фильм появились. А потом проходит время (совсем небольшое, особенно в России, где оно теперь идет, вернее катится, очень быстро) — и все меняется. И дело не просто в том, что происходят события, которые невозможно было предсказать (и, главное, не хотелось предсказывать). И не только в том, что наши герои нас предают.

Даже не меняясь кардинально, реальность как будто припорашивает слова и утверждения пеплом забвения. Твои мысли, еще недавно казавшиеся такими острыми, теперь требуют корректировки — потому что мир вокруг скользким образом видоизменился. Твои реакции, такие точные тогда, кажутся — если посмотреть на “тогда” из “сейчас” — преувеличенными или, наоборот, недостаточными.

Но все кончено, поезд ушел, газета вышла, ссылка провалилась вглубь интернета, что сказано, то сказано. И вроде бы беспокоиться не стоит — легкая смена курса входит в профессию, это же все понимают, но где-то под ложечкой все равно слегка посасывает, и каждый новый текст, противоречащий тем, старым,

заставляет ежиться от собственной непоследовательности и искать утешения.

До некоторой степени утешителем тут оказывается Лев Толстой. Вернее, Максим Горький, рассказавший о Толстом такое: когда (довольно часто) яснополянского старца упрекали как раз в непоследовательности, он “распускал по всей своей бороде сияние” и говорил: “Я не зяблик”. В том смысле, что Лев Николаевич не считал себя обязанным всегда повторять одну и ту же песню, придерживаться в точности тех же самых идей.

Но даже понимая, что у тебя нет долга всегда щебетать в одной тональности, очень часто хочется, нет, не то чтобы объясниться, а что ли соразмериться с самой собой. Понять, чем твое “тогда” отличается от твоего “сейчас”. Какие из твоих взглядов меняющаяся реальность (и всеобщая внешняя, и твоя собственная — внутренняя) превратила в ничто, какие — пошатнула, какие — оставила без изменений. И предъявить это понимание другим.

О такой ревизии мечтает чуть ли не каждый автор, уж во всяком случае тот, который пишет тексты часто и по поводу. Эта книжка — в некотором роде осуществление такой мечты.

Вы скажете, что в скором времени это мое теперешнее “сейчас” тоже превратится в “тогда” и эту ревизию опять нужно будет ревизовать.

Это правда.

И тогда самое время будет вспомнить, что я не зяблик.

